

— ЛИДИЯ ГЕЙДЕН —

16+

ИСКРА
— ВО —
ТЬМЕ
— И БОГИ ПАДУТ —

Лидия Гейден
Искра во тьме

«Автор»

2026

Гейден Л.

Искра во тьме / Л. Гейден — «Автор», 2026

Тысячи лет правила династия моего рода. Всё это время трон держался на крови, на клятвах, на молниях, которые выжигали имена врагов из истории. Мне суждено было править миром. Но сила, которую от меня ждут, не приходит. Вместо грома и молний во мне горит огонь. Тот, что способен сжечь всё — или спасти. Чтобы доказать своё право на трон, я иду на турнир. Обрести крылья. Стать воином. Но на пути я встречаю того, кому запрещено любить. Между нами — долг, запреты и тьма, которая уже пробудилась внизу. Когда тени сгущаются, а судьба требует выбора, я понимаю: моя сила — не дар. Не проклятие. Она — выбор. И плата за него может оказаться выше, чем я готова заплатить. Но я всё равно заплачу.

© Гейден Л., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог. Века бурь	5
Глава 1. Путь домой	6
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Лидия Гейден

Искра во тьме

Пролог. Века бурь

Мир не рождается в тишине. Он рождается в крови, в крике, в пепле, который оседает на губах тех, кто выжил.

Так мне говорил мой отец. Так я запомнила навсегда.

Три тысячи лет назад первородный океан простирался в Коре — тьме, не знавшей ни формы, ни имени. В момент их соприкосновения случился взрыв. Он породил свет. Из света вышла Шедая, великая богиня солнца. Из тьмы — Коран, чьё имя до сих пор произносят шёпотом.

Шедая родила Аттикуса и Виту. Богов, которые сотворили мир и навсегда заперли Тёмного в Коре. Их потомков прозвали Праймами. Первыми. Теми, кому суждено править.

Аттикус оставил закон: наследником становится не тот, кто старше или сильнее, а тот, в ком пробудилась Искра — сила грома и молний. Это закон. Традиция. Единственное, что держит мир в равновесии.

Тысячу лет правил Аттикус. Затем — его сын Аврей. Мой отец.

Он Бог. Он создаёт миры. Он ими правит.

Он пережил Века Бурь, объединил народы, разделил Цефей на три мира. Арат — верхний, обитель богов. Серат — средний, дом для всех рас, в крови которых нет божественной силы. Морат — нижний, тюрьма, запечатанная навечно.

Семьсот лет правит Аврей. Его сила угасает. Он чувствует: тот день близок.

Он верит, что я — его дочь, первенец — унаследовала Искру.

Он отправил меня в монастырь Саад, когда мне было десять. Чтобы моя магия пробудилась. Чтобы я вернулась достойной.

Семь лет я ждала. Семь лет я молилась. Семь лет я верила.

Но что, если мы ошиблись?

Если Искра, которую все ждут, никогда не придёт? Что, если вместо неё в моей груди тлеет нечто иное — древнее, тёмное, то, что течёт в жилах Корана? То, что способно сжечь догма всё, созданное богами?

Но тогда я ещё не знала этого. Тогда я была просто девочкой, которая стояла на пороге монастыря и смотрела в небо, мечтая о доме.

Я не знала, что тьма уже идёт за мной.

Я не знала, что выбор, который я сделаю, изменит всё.

С этого момента и начинается эта история...

Глава 1. Путь домой

Серат. Саад.

Историю своего мира я знаю наизусть. Но сейчас я здесь не как ученица, а как гордая послушница, завершившая своё обучение. Я отправляюсь домой.

— Сотворение мира датируется Первой эпохой. Сёстры рассказывают это каждый год. Сотворение мира — Первая эпоха, начало времени на Цефее. Три тысячи лет назад во тьме Кору, в хаосе материи и пустоты, случился взрыв. Он породил свет. Из света вышла великая богиня Шедая. Из тьмы — Коран. Шедая родила Аттикуса и Виту. Боги сотворили наш мир и навсегда заперли Тёмного в Коре. С тех пор светило озаряет тьму — и будет озарять всегда.

Для меня каждый раз — как первый. Я слушаю заворожённо. По коже бегут мурашки. Глядя на совсем юных сестёр, вижу, что мои чувства разделяют лишь немногие. Как и обучение, его суждено пройти не всем. Это долгий, тернистый путь, на котором лучшими друзьями станут смирение, усердие и вера.

Я оказалась в монастыре, как только мне исполнилось десять. Помню, как девочки плакали день и ночь, умоляя вернуть их домой. Я же не могла позволить себе слёз. Всегда знала: за мной — честь отца, честь народа, честь всего рода Праймов. За семь лет здесь — ни одной слезы, ни одной жалобы, ни одного глупого нытья. Только упорство и послушание. Хотя, признаюсь честно, это было нелегко.

И вот последний день здесь. То, что поначалу казалось мучением, теперь вызывает лишь улыбку.

Я помню свой первый год здесь. Зима на Серате выдалась лютой. Монастырь стоял на склоне, и ветер выл так, что каменные стены дрожали. Дрова кончились к середине месяца, а новые должны были привезти только через две недели. Мы грелись друг о друга. Спали вповалку, как котят. Младшие сёстры плакали по ночам — от холода, от голода, от тоски по дому. Я лежала с открытыми глазами и смотрела в потолок.

— Ариадна, — шептала соседка, девочка из Саада с вечно мокрыми щеками, — тебе не холодно?

— Холодно.

— Почему ты не плачешь?

Я не знала, что ответить. Как объяснить семилетней девчонке, что слёзы — роскошь, которую я не могу себе позволить? Что за моей спиной — не только моя жизнь, но и честь отца, честь народа, честь всего рода Праймов?

— Слёзы не греют, — сказала я.

Она посмотрела на меня с удивлением. А потом вдруг перестала плакать. Просто замолчала и уткнулась носом в моё плечо.

Наутро сестра Мария нашла нас спящими в обнимку. И — впервые за всё время — не разбудила на молитву.

С тех пор я поняла: смирение — это не когда терпишь в одиночку. Это когда терпишь ради других.

Другой случай был через три года.

Сестра Игнатия, наставница по магии, выстроила нас в ряд у восточной стены.

— Сегодня вы попробуете призвать свою силу, — сказала она.

Я замерла. Магия. Моя сила. Какая она? Та, что спала во мне так глубоко, что я начинала сомневаться — спит ли она вообще?

Одна за другой девочки протягивали руки. У одной ладони покрывались инеем. У другой ветер запутал волосы. Сестра Игнатия ходила между нами, поправляла, подбадривала.

Подошла моя очередь.

Я вытянула руку. Сосредоточилась. Представила силу как нечто живое.

Ничего.

Я сжала кулак. Ещё раз. Глубже.

Ничего.

— Не торопись, — сказала наставница.

Я не слушала. Я злилась. На себя. На свою беспомощность. На эту глухую, немую силу, которая отказывалась мне подчиняться.

В тот миг что-то дрогнуло у меня в груди. Воздух стал плотным. Пальцы защипало.

А потом — взрыв.

Я не поняла, что случилось. Только увидела, как сестра Игнатия падает на землю, закрывая лицо руками. Как девочки визжат и разбегаются. Как солома у моих ног вспыхивает в одно мгновение — и гаснет так же быстро.

На моей ладони не было огня. Он полыхал вокруг меня.

— Простите, — прошептала я. — Я не хотела.

Сестра Игнатия поднялась. На её лице не было страха. Только удивление.

— Сила есть, — сказала она тихо. — Теперь задача — научиться её направлять.

Я смотрела на свои руки. Они дрожали.

— А если я не смогу?

— Сможешь, — сказала она. — Или она сама найдёт выход. Но тогда пострадают другие.

В ту ночь я не спала. Думала о словах наставницы. И дала себе слово: я научусь. Даже если это займёт всю жизнь.

Сегодня, в последний день, я оглядываюсь на эти семь лет.

Слёзы, которые я не пролила. Холод, который я перетерпела. Взрыв, который я до сих пор не могу объяснить.

Всё это — часть меня. Каждая бессонная ночь. Каждая неудачная попытка призвать магию. Каждый раз, когда я хотела сдаться, — но не сдалась.

— Однажды придёт время, — говорили сёстры. — Твоя сила будет готова. И ты будешь готова. Тогда вы станете единым целым. Как огонь и дым.

Я всё ещё не чувствую её. Но я чувствую себя.

И, может быть, этого достаточно.

Я считаю за честь быть среди воинов: мне было позволено тренироваться с ними, чтобы научиться самообороне, и я добилась немалых успехов.

Наши тренировки — тренировки воинов — воспитывают не только тело, но и дух. Сегодня я сама провожу свою последнюю тренировку, с лёгкостью делая то, что поначалу казалось невозможным. Под конец я вижу восторженные глаза сестёр. Нужно прощаться, ведь меня ждёт дом.

Я поднимаюсь в верхнюю часовню. Знаю, что найду там сестру Марию.

Часовня стоит на утёсе, оседлав ветер. Нижний ярус без стен. Колонны словно вытесаны из скалы. Белые шторы развеваются ветром. Над головой — стеклянный свод, открытый небу.

Она стоит спиной ко мне. Ветер развеивает её изумрудное платье. Седые волосы убраны в косу, которая опоясывает голову, словно корона.

Я задерживаюсь у входа. Не решаюсь нарушить тишину.

— Подойди, дитя, — говорит она, не оборачиваясь.

Голос тихий, но в пустом зале звучит отчётливо.

Я делаю шаг. Второй. Останавливаюсь в трёх метрах от неё.

— Ты пришла прощаться.

— Да, сестра Мария.

— Семь лет. — Она наконец поворачивается. В её глазах — мудрость, которую не измерить годами. — Ты пришла к нам девочкой, которая боялась показать слёзы. Уходишь женщиной, которая научилась их прятать.

Я не знаю, что ответить.

— Это плохо? — спрашиваю тихо.

— Это необходимо. — Она делает шаг ко мне. — Твоя дорога не будет лёгкой, Ариадна. Не такой, как у других. Ты это знаешь?

— Знаю.

— Твоя сила спит глубже, чем ты думаешь. Не потому, что её нет. Потому что она боится проснуться раньше времени.

— Боится? — переспрашиваю я. — Сила не может бояться.

Сестра Мария улыбается. Улыбка грустная.

— Эта — может. В ней живёт не только свет, дитя. Когда придёт час, ты поймёшь.

Я сжимаю кулаки.

— Вы пугаете меня.

— Нет. Я готовлю тебя. — Она подходит ближе, берёт мои руки в свои. Ладони у неё тёплые, шершавые — руки целителя. — В монастыре ты была в безопасности. За этими стенами ты будешь одна. Даже среди своих.

— У меня есть отец. Брат. Мать.

— Есть. — Она кивает. — Но есть и то, от чего они не смогут тебя защитить. Никто не сможет, кроме тебя самой.

Я молчу. Смотрю на её пальцы, сжимающие мои.

— Вы видели что-то, — говорю я. — В своих видениях. Вы знаете, что меня ждёт.

Она отпускает мои руки и отворачивается к окну. За стеклом — горы, облака, бесконечное небо.

— Я видела многое, — тихо говорит она. — Но не всё можно рассказывать. Иногда знание — не защита, а проклятие.

— Я хочу знать.

— Точно ли? — Она оборачивается. — Ты готова услышать, что однажды тебе придётся выбирать между долгом и сердцем? Что тот, кого ты полюбишь, не сможет быть с тобой? Что твоя собственная кровь восстанет против тебя?

Каждое слово падает на меня, как камень.

— Зачем вы это говорите?

— Чтобы ты не говорила потом, что тебя не предупреждали. — Она вздыхает. — Но предупреждения редко помогают. Сердце всё равно выбирает своё.

— Сестра Мария...

— Пора, — перебивает она. Голос становится твёрже. — Время пришло. Мы дали всё, что могли. Теперь ты должна позаботиться о себе.

— Но я ещё столько не знаю. Моя магия

— Проснётся, когда придёт час. Не раньше, не позже. Торопить её бесполезно. — Она смотрит мне прямо в глаза. — Запомни главное: твоя сила — не в умении призывать молнии

или управлять ветром. Твоя сила — в том, кто ты есть. Даже без магии ты способна на большее, чем думаешь.

Я хочу заплакать. Не позволяю себе.

— Спасибо за всё, — говорю я. Голос почти не дрожит. — Я никогда не забуду. Надеюсь, мы ещё увидимся.

— Все пути предрежены. — Она кладёт руку мне на макушку, как в первый день, когда я переступила порог монастыря. — Ступай, дитя. Не оглядывайся.

— Да озарит свет тьму, — шепчу я.

— Да озарит, — отвечает она.

Я разворачиваюсь. Делаю шаг. Второй.

Не оглядываюсь.

Но на пороге замираю.

— Сестра Мария.

— Да?

— Вы сказали, тот, кого я полюблю, не сможет быть со мной. — Я сжимаю дверную ручку. — Это проклятие или предсказание?

Молчание длится так долго, что я уже не жду ответа.

— И то, и другое, — наконец говорит она. — А иногда это одно и то же.

Я выхожу. Дверь за мной закрывается.

Только на лестнице, когда меня никто не видит, я позволяю слезам пролиться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.